

КОРОЛЕВЫ

ВОИНОВ

ТИГРОВАЯ ЛИЛИЯ

ОХОТА НА ЗВЕРЯ
НАЧАЛАСЬ

КАТЕРИНА ЗВЕРЬ

Королевы воинов

Катерина Зверь
Тигровая лилия

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Зверь К.

Тигровая лилия / К. Зверь — «Эксмо», 2026 — (Королевы
воинов)

ISBN 978-5-04-250969-8

Она – Джемая, воительница из трущоб, ставшая доверенным лицом правительницы. Именно ей поручают расследование, когда на улицах Ямарры начинают находить тела людей, растерзанных неизвестным зверем. Первый подозреваемый - Алар-Аглеш, предводитель отряда охотников, прибывших в город, чтобы подзаработать на убийстве зверя. Расследование все дальше и дальше заводит ее в лес, где грань между человеком и зверем, жертвой и хищником стирается. Фэнтези-детектив о долге, предательстве и жажде быть принятым, где каждый шаг приближает к разгадке.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-250969-8

© Зверь К., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Глава III	15
Глава IV	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Катерина Зверь Тигровая лилия

© Зверь К., текст, 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Глава I

Небо над Ямаррой, белым городом на берегу Эхейского моря, заволокло черными тучами. И все сразу стало серым – и просторные террасы, тянущиеся вдоль скал, как ласточкины гнезда, и многочисленные лестницы, выющиеся между ними, и стены домов, разогревшиеся на утреннем солнце. Посерели фонтаны, и прозрачная вода превратилась в жидкое серебро, посерели статуи, тянущие руки к заливу, и голубой шелк морской воды превратился в серое рубище нищего.

Этим утром город плакал – и небо плакало вместе с ним.

Сменив повседневные белые одежды на траурные серые, город плакал о семье кожевника Ведхира – истерзанное тело его маленького сына Мехди принесли собиратели фруктов. На рассвете Мехди вместе с другими мальчишками отправился в предгорья; в этот ранний час птицы просыпались и вылетали из гнезд, чтобы напиться росы и набить опустевший за ночь желудок, и ямаррские мальчишки пользовались этим, чтобы набрать яиц. Когда солнце поднялось высоко, все товарищи Мехди вернулись в город, и лишь семья кожевника так и не дождалась своего сына.

А к полудню по Ямарре пронеслась печальная весть: собирательницы фруктов³, возвращавшиеся из леса, наткнулись возле ручья на изувеченный труп ребенка, и только по браслету на левой ноге смогли понять, что перед ними – пропавший Мехди.

Никто из перепуганных женщин не осмелился коснуться тела; один старый Нерим, единственный мужчина, охромевший воин, давным-давно оставивший службу, оказался достаточно крепок духом, чтобы завернуть мертвеца в собственный плащ и отнести в город.

Услышав о случившемся, к дому кожевника сбежались соседи, и вскоре улица огласилась скорбным плачем – громко рыдала Эле, жена кожевника, горько рыдали ее мать и сестры, и другие женщины, собравшиеся возле дома. Мужчины же в большинстве своем угрюмо молчали, старики печально качали головами и перешептывались промеж себя. Испуганные дети жались к матерям, глядя на лежащий на земле сверток, пропитанный кровью.

Словно проникнувшись общим настроением, заплакало и небо – серые тучи роняли скупые слезы на белые камни, и воздух стал гуще и как будто тяжелее. Но дождь все не начинался – небо как будто не торопилось разгонять собравшихся, уважая их горе. Как старый, многоопытный священнослужитель, оно смиренно давало семье кожевника попрощаться с сыном, не давая воли собственным чувствам и не укоряя охваченную отчаянием Эле за те слова, что бросала в небо эта бедная женщина, позабывшая себя от боли и гнева.

– Нужно похоронить его до захода солнца, Ведхир, – проговорил Нерим, коснувшись плеча кожевника. Хромой старик оставался единственным, кто не поддался ни гневу, ни горю, – прослуживший в городской страже многие годы, Нерим повидал достаточно крови, чтобы перестать бояться ее, и достаточно смерти, чтобы разучиться переживать из-за нее. – Мехди умер плохой смертью.

– Разве смерть бывает хорошей? – угрюмо откликнулся Ведхир, оборачиваясь. Нерим покачал головой:

– Не о том сейчас речь, кожевник. Уведи Эле в дом и взгляни на тело как следует.

Ведхир открыл рот, словно собираясь возразить, но осекся под холодным взглядом старого воина и отошел прочь, раздавая указания старшим сыновьям. С большим трудом обоим юношам удалось оторвать убитую горем мать от тела младшего сына. Эле долго не соглашалась уходить, но, наконец, матери и сестрам удалось уговорить ее покинуть крыльцо. Когда женщины скрылись в лавке, Нерим подошел к свертку и аккуратно развернул окровавленное полотно.

Толпа испуганно охнула, понеслись, как шелест листьев на ветру, тревожные шепотки. Одна из соседок, вскрикнув, лишилась чувств.

Ведхир опустился на корточки возле трупа, рассматривая рваные раны, и отцовское горе в его темных глазах ненадолго уступило место профессиональному интересу кожевника.

– Такие раны не нанести ножом, – сказал он негромко. – Скорее всего, Мехди задрали дикие звери, – полувопросительно-полуутвердительно добавил он, с надеждой оглядываясь на стоящего рядом Нерима. Старик не стал приседать – мешала хромая нога – и лишь снова покачал головой.

– Точно такие же раны были на теле Кери, – ответил Нерим. – И у Хеди, и у Семира. Тот, кто убил их всех, убил и твоего сына, Ведхир Веренди.

Толпа зашепталась снова – уже громче и раздраженнее. И все чаще на разные лады звучало слово «демоны».

– Хеди умерла, упав со скалы, – возразил Ведхир.

– Так нам сказала Первая мать, – подал голос один из стоявших рядом соседей, широкоплечий плотник. – Мол, Хеди упала со скалы, и ее тело изувечили падальщики.

– Смерть Кери свалили на разбойников, – добавил второй, молодой и загорелый рыбо-торговец. – Якобы они напали на него по дороге в лес и убили, не найдя в кармане ни одной монетки.

– А сын несчастной Амиры как будто свалился с лошади, взбрыкнувшей после того, как ей под ноги подвернулась змея! – воскликнула одна из оставшихся женщин, пышнотелая ткачиха. – Вот только отчего же тогда труп бедолаги Семира выглядел так же, как тело маленького Мехди?!

– Демоны убивают наших сыновей и дочерей, а Первая мать закрывает на это глаза! – крикнул кто-то.

– Значит, следует заставить ее открыть их, – хмуро заявил Ведхир, поднимаясь на ноги. – Если Первой матери не хватает духу взглянуть на то, что происходит у нее под носом, пусть не закрывает глаза тем, кто достаточно смел, чтобы смотреть и видеть.

– Первая мать все видит, Ведхир, – негромко проговорил Нерим.

– Первая мать смотрит на город сверху, Нерим, – ответил кожевник. – Она не смотрит на отдельных людей, и ей нет дела до горя одного или двух горожан.

– Она смотрит на нас. И видит твое горе.

– Тогда почему же она глуха к нашим словам? – раздраженно вскинулся Ведхир. Скорбь и гнев плескались в его душе, как морские волны, ища малейший зазор в каменной стене выдержки, чтобы вырваться наружу и обрушиться на тех, кто не успеет спастись. Слова старого калеки бились об эту стену с другой стороны, как камни, что бросают из шалости в ограду бычьего загона глупые мальчишки, и Ведхир уже набрал воздуха в грудь, чтобы выплеснуть злость и боль на голову бывшего стражника, – и осекся, наткнувшись на холодный, спокойный взгляд.

– Обернись и спроси ее сам, кожевник. – Нерим указал глазами ему за плечо.

Ведхир оглянулся и, отшатнувшись, отступил на шаг. Расступилась и притихшая толпа, освобождая пространство вокруг невысокой, крепко сбитой пожилой женщины с белоснежной косой, спускавшейся ниже пояса. Лишь трое человек остались стоять подле нее – разного роста, но в одинаковом облачении, похожем на одежды скальных охотников, пыльно-серого цвета – такого же, как тени на белых камнях.

Старая Руйо, Первая мать Ямарры, управлявшая городом с того самого дня, как был заложен его первый камень, – как давно она стояла на площади, глядя на собравшихся, как долго она слушала их гневные речи?

Когда люди расступились, на лице Руйо не дрогнул ни один мускул. Она лишь подняла руку, шевельнув пальцами, и один из «серых» подошел к свертку и присел на корточки, разглядывая убитого мальчика.

– Первая мать. – Ведхир поклонился с достаточной почтительностью, чтобы его жест не выглядел как оскорбление, однако его тон был далек от почтительного так же, как портовые ярусы города – от торговых ворот. – Ты пришла сюда без повязки на глазах, а значит, не нуждаешься в пояснениях.

– Я стара, но мои глаза еще видят, Ведхир Веренди. – Руйо кивнула.

– В пояснениях нуждаемся мы, Первая мать, – кожевник обвел рукой собравшихся. – Сколько еще слез должны пролить ямаррские матери, чтобы твое сердце дрогнуло? Как долго демоны будут убивать наших детей, прежде чем до Птичьей скалы долетят наши крики?

– На Птичьей скале всё слышат, Ведхир, – спокойно ответила Руйо, глядя кожевнику в глаза. – Мое сердце болит с того дня, как от когтей демонов погиб первый ямаррец.

– Тогда почему вы не ищете средства извести напасть?! – воскликнул торговец рыбой.

– Кто говорит, что мы не ищем, Ясул? – Руйо обернулась. – Птичья скала тратит немало сил и средств, чтобы найти способ избавить город от опасности. Но у нас слишком мало сведений.

– У нас есть четыре трупа! – крикнула ткачиха.

– Верно, – кивнула Руйо. – Но четыре трупа – это *всё, что у нас есть*. На них всех – одинаковые раны, но стали ли они причиной смертей или кто-то поживился свежим мясом уже после? Если однажды поутру садовник увидит, что ветви яблонь сломаны, кого ему следует проклинать? Сильный ветер, налетевший с моря, соседа, решившего поживиться плодами, или посланника, что остановился у колодца попить воды и не заметил, что его кобыла надумала подкрепиться спелым яблоком? Садовник проклянет ветер – и ветер опрокинет чужую лодку, садовник проклянет соседа – и семью того унесет болезнь, садовник проклянет посланника – и лошадь под ним оступится и сломает ногу; и что будет делать этот человек потом, если окажется, что ветви сломались сами, не выдержав тяжести яблок? Не имея достаточно сведений, я не хочу пускать ложные слухи. То, что говорят на Птичьей скале по поводу предыдущих смертей, – это то, что мы знаем наверняка. Мы могли бы найти сотни виновных по своему усмотрению, но какой от этого прок? Если назначить виновными разбойников, вы начнете подозревать всякого, кто прибывает в город по торговым делам. Если назначить виновными диких зверей, вы начнете истреблять их без счета. Если назначить виновными демонов, вы начнете истреблять всех, кто покажется вам одержимым. Кто поручится, что в погоне за демонами не пострадают невинные? Кто поручится, что сердца горожан настолько чисты, что никто не назовет «демоном» старого должника или давнего обидчика?

Люди зашептались, переглядываясь. Никто не желал сознаваться в том, что слова Первой матери отозвались в его душе, но всякий ждал, что кто-то другой сознается в этом.

– Я живу на этом свете достаточно долго, – Руйо обвела глазами собравшихся, – и повидала достаточно разъяренных толп. Я не дам ямаррцам резать друг другу глотки, пока мы тщетно гоняемся за тенями, убивающими наших детей. Мы ищем, Ведхир. – Она перевела взгляд на кожевника. – Мы ищем. И мы найдем. Твой сын, как и все прочие, будет отмщен. А пока похорони мальчика как положено. – Вытащив из кармана кошель, туго набитый деньгами, Руйо протянула его Ведхиру.

Кожевник раздраженно вздохнул, но спорить не стал. Слова Первой матери остудили самые горячие головы, но раздражение толпы теперь напоминало похлебку в котле, переставленном на тлеющие угли: перестав выкипать, она, тем не менее, не остыла до конца и грозила вскипеть снова, если случайный ветерок раздует эти угли как следует. Повисшая тишина не принесла облегчения – сгустившийся воздух давил на плечи, и в безмолвии его тяжесть ощущалась особенно остро.

Забрав кошель, Ведхир подошел к свертку, угрюмо зыркнув на сидящего на корточках охотника. Тот, почувствовав чужое присутствие, оглянулся, придерживая капюшон, и поспешно встал, отступая на пару шагов. Сунув кошель за пазуху, кожевник начал заворачивать труп в ткань. Кое-кто из мужчин принялся помогать, кто-то, напротив, отошел в сторону, не желая мешать, оставшиеся не у дел зеваки мялись на месте, беспокойно переглядываясь и не понимая, уходить им или оставаться. Слова Руйо заставили каждого усомниться в себе, но никто не знал, как доказать другим чистоту собственной души. Горе Ведхира разделяли многие, но никто не знал, как помочь ему. Близость смерти, рыщущей вокруг города, наполняла сердца страхом, но никто не знал, как спастись от беды.

Это бессилие злило, терзало, требовало выхода. Как изголодавшийся зверь, оно металось над улицей, ища поживы, силясь найти кого-нибудь, кого можно было бы назвать виновным, но тщетно – Первая мать исчезла в толпе так же тихо и незаметно, как и появилась, и три ее серые тени сгнули вместе с ней.

– Первая мать надеется заткнуть наши рты золотом, – рыботорговец Ясул не выдержал первым, озвучив витавшую в воздухе мысль. – Будто бы золотая пробка в состоянии закупорить сосуд истины! Она говорит, что на Птичьей скале слышат наши голоса, – но, похоже, ямаррские власти не больно-то желают их слушать!

Его возмущение никто не стал поддерживать вслух, но многие откликнулись согласным ворчанием. Ощувив поддержку, Ясул уже набрал воздуха в грудь, но тут его плеча коснулась сухая рука старого Нерима.

– Остынь, Ясул-нэ, – негромко велел калека. – Первая мать во много раз старше тебя. Она старше нас всех. Она уже была стара еще в те дни, когда я мальчишкой ступил на причал Ямарры. Она повидала многое – куда больше, чем ты или я. Утихомирь свое сердце, пока от его жара не сварилась рыба в твоих бочках. Не стоит одному повышать голос там, где прочие молчат, объятые скорбью. – Нерим указал глазами на дом Ведхира, откуда доносились негромкий плач и приглушенные голоса, – семья кожевника готовилась к похоронам младшего сына.

Ясул раздраженно дернул плечом, сбрасывая чужую руку, и, сплюнув, зашагал прочь. Сверху послышался недовольный рокот надвигающейся бури, и сомневающиеся зеваки начали расходиться, торопясь успеть домой до того, как начнется ливень. Некоторые поднялись в дом Ведхира, решившись предложить помощь – а может, и надеясь урвать кусочек на поминальной трапезе.

Нерим взглянул на небо и усмехнулся ему, как давнему другу.

– Вот бы еще на пару минуточек хватило твоего терпения, – проговорил он негромко, – чтобы хромой старик успел добраться до своей лачуги!

Над крышами сверкнуло. Нерим постоял, прислушиваясь, – гром донесся не сразу. Подсчитав что-то в уме, старик удовлетворенно кивнул.

– Успею.

И, усмехнувшись, поковылял вниз по улице.

Глава II

Дождь накрыл бухту прозрачно-серой пеленой, и белые камни, промокнув, потемнели до светло-серых. С крытой галереи, протянувшейся на нижнем ярусе Птичьей скалы, Ямарра напоминала старую ритуальную чашу, вырезанную из камня и когда-то покрытую росписью, но теперь облупившуюся и растерявшую былую красоту. Цветные крыши домов и торговые навесы, паруса рыбацких лодок, переживавших непогоду у пирса, сады, разбитые на крышах и площадках, – все это сквозь дождь казалось мешаниной цветных пятен, расплывшихся фресками на серых скалах.

Когда-то Птичья скала служила домом лишь многочисленным пернатым, ловившим мошкар в воздухе и рыбу в прибрежных волнах, и, даже после того как здесь появились люди, птицы не сдали своих позиций, продолжая вить гнезда на крышах административных зданий, лепить их на стенах и балконах, прятать в каменных корзинах в руках у статуй рыбаков и виноградарей. Даже сейчас их звонкие голоса перекрывали шум дождя, предвещая скорое возвращение солнца.

Точно так же облепляли каменные стены бухты дома и рынки, склады и лавки, лечебницы и молельни Ямарры – по мере того как город разрастался, обтесывались и отвесные скалы, спускающиеся к самой воде; за годы существования Ямарра, как побеги плюща, поднялась от узкого каменного пляжа до самого верха, отвоевывая ярус за ярусом, и постепенно каменный колодец превратился в огромный амфитеатр, где в самом низу тянулись торговые и рыбацкие причалы, а на самом верхе выросли ряды торговых складов, постоянных дворов для прибывающих купцов и целый улей чиновничьих контор, где оценивали и взвешивали, меняли и оставляли в залог, собирали подати и выдавали разрешения.

Птичья скала располагалась на левом краю скальной гряды, окружавшей бухту, – острый выступ, как огромный язык, выдавался вперед, нависая над проливом. На самом краю возвышалась безликая каменная фигура, протягивающая руки к морю, словно приветствуя прибывающие суда. По ночам в ее ладонях вспыхивало яркое пламя – маяк для тех, кто приплывал в Ямарру после захода солнца.

Отсюда, сверху, в ясную погоду можно было разглядеть то, что лежало дальше каменной стены, защищающей верхние подступы к городу, – горы, окутанные зеленью лесов, широкие торговые тракты и дальние пастбища. Сейчас все это скрывала мутная завеса дождя, позволявшая увидеть разве что противоположный край бухты.

У самого начала галереи Руйо остановилась, оглянувшись на сопровождавших ее стражей в серых одеждах.

– Неид, передай Старшей тени весть о смерти Мехди Веренди, – велела она. – Саив, сообщи в казначейство о том, что Первая мать оплатила его похороны. Пусть не тратят бумагу понапрасну.

Тени поклонились и направились дальше по лестнице, на верхние ярусы. Как только они скрылись за поворотом, Руйо перевела взгляд на оставшуюся тень и кивнула в сторону галереи:

– Идем, Джемая. Расскажи мне, что ты успела разглядеть, пока зажившаяся на этом свете старуха остужала дурные головы.

Не дожидаясь ответа, Первая мать направилась вперед. Тень стащила капюшон, обнажая молодое лицо, встряхнула головой, высвобождая темно-каштановую косу, залоснившуюся под тканью от сырости. Откинув косу за спину, Джемая поспешно догнала Руйо и сбавила шаг, подстраиваясь под чужую походку.

– Не так уж много, матушка, – сообщила девушка, все еще поправляя капюшон, не желавший лежать на плечах ровно. – А если отбросить все то, что мы уже знаем, – то и вовсе ничего.

– Совсем ничего? – спокойно уточнила Руйо.

– Ничего нового. Те же раны, те же когти.

– Суть повторяющейся новости в том, что она *повторяется*, – задумчиво проговорила Первая мать, глядя на бухту. – Если раз за разом тебе приходит письмо с одними и теми же словами, значит, вся суть его в том, чтобы ты *прочитал* его.

– Истинно так, матушка. Но я не думаю, что простых ямаррцев удовлетворит такой ответ. – Джемайя повернулась и взглянула в ту же сторону. Дождь лил все сильнее, водяная завеса из прозрачно-серой стала мутно-белой, и лишь самые яркие пятна по-прежнему угадывались сквозь нее.

– Другого у нас для них нет. – Руйо вздохнула. – По-прежнему нет.

– Тени делают все, что в их силах. – Джемайя качнула головой. – Стражи на входах в город предупреждены, все чиновничьи конторы держат уши торчком, а глаза – широко раскрытыми, поступающие сведения прочесывают даже не сетями – их уже процеживают сквозь ткань, как лекари – колодезную воду. Но ни один из обозов, приходящих в Ямарру, пока не привез никакой ценной информации.

– И ни одного трупа?

– Трупов хватало, – ответила Джемайя. – В город привозили как минимум троих: двое убитых – на один из обозов напали разбойники, – и одного, скончавшегося от застарелой болезни. На днях прибыл один искалеченный, нуждавшийся в помощи лекарей. Он свалился с лошади, как Семир, но на его теле не было ран от когтей, да и у произошедшего хватало свидетелей. Это был один из посыльных, чья лошадь на полном скаку споткнулась, потеряв подкову. Паренок вылетел из седла и сильно расшибся, ему оказали помощь на месте и привезли в Ямарру на одной из телег. У него сломано несколько костей, но умирать он, насколько я знаю, не намерен. – Девушка невесело усмехнулась.

– Значит, демоны убивают только ямаррцев... – Руйо прищурилась, вглядываясь в белую пелену.

– Пока что, – ввернула Джемайя, и Первая мать, не оглядываясь, кивнула.

– Пока что. В каком-то смысле это нам на руку. Если демоны убьют кого-то из пришлых, вести об их смерти могут разойтись далеко. Торговля пострадает, а нам это ни к чему. Зима по всем приметам обещает быть тяжелой, и городские зернохранилища должны заполниться доверху.

Джемайя едва заметно нахмурилась. Торговля всегда имела для Ямарры первостепенное значение. По сути, торговля служила единственным источником дохода для обитателей бухты – весь их огромный, многолюдный город на самом деле никогда не был городом в прямом смысле слова.

В те дни, когда ямаррская бухта носила другое имя, она служила пристанищем лишь мелким контрабандистам. Закрытая со всех сторон, она становилась идеальным убежищем – пара естественных гротов, где ныне располагались ремонтные доки для мелких лодок, использовалась в качестве схронов для ценных грузов; узкий каменный пляж позволял проводить обмен и переговоры на нейтральной территории, а не на палубе чужого корабля, где могла ждать засада; обгрызенные ветром, облизанные морскими волнами скалы обеспечивали сложный, но вполне преодолимый подъем наверх, в заросли, где можно было набрать пресной воды, раздобыть свежих фруктов и дичи.

Затем в бухту приплыли чужаки из дальних краев. И избрав это место своим новым домом, они принялись обживать и обустраивать его – полудикий пляж превратился в крупный порт, вокруг которого выросли дома, склады, меняльные лавки и рынки, лечебницы и постоянные дворы. Через леса и предгорья к отдаленным городам потянулись дороги, обросшие мытными дворами и казармами наемной охраны. Ямарра стала местом торговли и обмена, встреч и переговоров, но при этом не имела ни собственных шахт, ни достаточного количества полей, ни пастбищ, чтобы обеспечивать народ хлебом и мясом. Новости отсюда разносились как пере-

летные птицы – быстро и во все края, и по суше, и по морю, – и в Ямарре, как нигде, знали цену слухам и репутации. Даже самый маленький грязный слух мог обрубить крупный торговый канал.

А уж слухи о том, что в Ямарре завелся демон...

Джемайя задумчиво прикусила нижнюю губу, вспоминая о тех речах, что звучали возле дома кожевника.

«Кто поручится, что в погоне за демонами не пострадают невиновные? Кто поручится, что сердца горожан настолько чисты, что никто не назовет “демоном” старого должника или давнего обидчика?»

Сюда, в Ямарру, прибывали караваны из самых разных земель. Первая мать никому не делала поблажек, но никогда не вмешивалась в чужие разногласия – до тех пор, пока это не касалось ее города. Здесь, на суше, могли мирно побеседовать те, кто начал бы стрелять друг в друга при встрече в море. Такой возможностью разрешать возникающие разногласия периодически пользовались не только торговые кланы – иногда в переговорных залах Ямарры под видом купцов и курьеров встречались посланники тех или иных властей, пиратские главы и старейшины далеких островов.

Обвинить давнего недруга в том, что именно он привез в Ямарру демона, чтобы посеять хаос на улицах благословенного города и лишить противников места для торговли и переговоров, получить возможность невозбранно обмакнуть руки в его кровь и прослыть не злодеем, а героем, не давшим всем сторонам начать подозревать друг друга и тем самым предотвратившим масштабную торговую войну, грозящую перерасти в войну настоящую... От такого соблазна не откажется ни один человек, хоть сколько-нибудь сведущий в искусстве дипломатии.

Эту проблему следовало решать самостоятельно – и решать как можно скорее, пока слухи еще удастся контролировать. Не каждую глотку получится заткнуть золотом, не до каждого сердца можно достучаться мудрыми словами...

Чтобы поймать одну тень, требовалась другая. Но даже они, Тени Первой матери, глаза, уши и руки старой Руйо, облаченные в серое стражи городского порядка, раз за разом оказывались бессильны. Всякий раз, когда обнаруживали очередной труп, установить причину смерти наверняка не удавалось.

Первый убитый, плетельщик корзин Кери, отправился в заросли за лозой – его изодранное тело нашли возле дороги, у самого леса, но тогда следы огромных когтей свалили на диких зверей. Ямаррские охотники вместе с Тенями трое суток прочесывали округу, но не сумели найти никаких следов и в конечном итоге сошлись на том, что потревоженное плетельщиком животное, кем бы оно ни было, предпочло убраться подальше.

Второй убитой стала Хеди, собирательница фруктов, отправившаяся вместе с подругами на свой нехитрый промысел в предгорья. Хеди ушла далеко, и остальные собирательницы, услышав в чаще рык, перепугались и вернулись в Ямарру без нее – а городские стражи, отправившиеся в указанное место, обнаружили тело девушки под скальным выступом. Все указывало на то, что Хеди сорвалась, испугавшись чего-то или кого-то, и уже была мертва к тому времени, когда ее мясом решили полакомиться. Была ли это та же тварь, что напугала ее, или просто какой-то падальщик, оказавшийся поблизости, – этого не мог сказать никто.

Третьей жертвой стал молодой Семир, мальчишка-посыльный, доставлявший срочные письма на своей кобылке. Он погиб совсем недалеко от города – на Семира и его кобылку наткнулся другой курьер, выехавший из Ямарры на рассвете той же дорогой. Лошадь обглодали до самых костей, Семира изрядно исклевали птицы-падальщики, так что понять, что произошло, практически не удавалось – может быть, кобылка Семира упала, сломав ногу, а мальчишка, вылетев из седла, разбил голову, и уже после, пока оба еще не успели остыть, на

нежданный пир слетелись стервятники. А может быть, кто-то убил их обоих, чтобы письмо, скрытое в почтовой сумке, не добралось до адресата.

А может быть, демону снова захотелось крови.

Что произошло на ямаррской дороге перед рассветом, ведали только небо, облака и птицы. Но небо молчало, облака слишком быстро улетали дальше, а птицы, хоть и кричали во всю глотку, не владели человеческой речью.

А теперь погиб маленький Мехди Веренди. На нем хватало царапин, висок был разбит, и, если бы не следы тех же самых когтей, угадывавшихся на изъеденном теле, могло бы показаться, что юный собиратель птичьих яиц опрометчиво полез на высокое дерево, приметив очередное гнездо, сорвался и упал, став такой же добычей падальщиков, как Хеди.

Но если это были дикие звери – или птицы, – то вели они себя слишком разумно, оказываясь рядом с умирающим еще до того, как тот успевал остыть, выбирая жертву так, чтобы момент ее смерти никто не видел, оказываясь то в лесу, то на дороге, то вдали от города, то непосредственно рядом... У всякого зверя и птицы есть территория, которую он считает своей. Если тварь одна, она не стала бы перемещаться так часто и так далеко. Если их много – кто-нибудь бы уже наткнулся на следы их существования. Но даже скальные охотники, самые отчаянные из ловцов, уходившие высоко в горы в поисках самой редкой и ценной добычи, не находили ничего странного и подозрительного.

Где оно могло прятаться? Как оно могло выглядеть? Почему оно терзало своих жертв когтями, словно те отчаянно сопротивлялись перед смертью? А если оно пожирало их уже после смерти, то к чему эти раны? Судя по следам зубов, существу не требовались дополнительные меры, чтобы разделаться с кобылей тушей, а лошадиные жилы и шкура куда прочнее, чем человеческие...

– О чем шепчутся в Сером углу? – спросила Руйо, и Джемайя вздрогнула и оглянулась, сообразив, что ее молчание тянется уже неуместно долго.

«Серым углом» обитатели города называли самое затененное место в саду, куда никогда не заглядывало солнце, и белый камень круглый год казался серым. По поверьям, в таком углу переживали солнечные дни ночные тени. «В каждом саду свой серый угол», – говорили ямаррцы, имея в виду: *«в каждой семье свои секреты»*.

Серым углом Ямарры называли небольшое двухэтажное здание, прячущееся среди каменных выступов на дальнем краю Птичьей скалы – здесь обитали и обучались Тени Первой матери, здесь же хранились самые важные городские секреты, и сюда, в первую очередь, стекались самые важные слухи. Судьбы города решались не в чиновничьих конторах административных ярусов, а именно здесь, в месте, куда не проникали лучи солнца.

– О разном, матушка, – ответила Джемайя. – Мнения о том, что делать дальше, расходятся. Старшая тень предлагает решительные меры – например, провести полномасштабную облаву в самом городе.

Руйо усмехнулась и покачала головой, улыбнувшись устало и ласково, как пожилая мать великовозрастного сына, услышавшая о том, что он все еще способен на детские шалости.

– Каким образом Дейем предполагает выкурить демона из укрытия, не поднимая лишнего шума?

– Как заставить людей ничего не слышать и не видеть в ночь большой луны? – Джемайя усмехнулась в ответ. – Несколько дней перед этим утомлять их шумом и зрелищами. Дейем предлагает устроить праздничное шествие через весь город, привлекая лекарей и жрецов, чтобы собрать как можно больше зевак, и под прикрытием театрализованных представлений в честь богов здоровья и удачи провести ритуалы, способные открыть местонахождение демонов.

Улыбка Руйо слегка померкла. Первая мать покачала головой и снова взглянула на город.

– По-настоящему отчаянный план. Вполне в духе Дейема. Он всегда отличался горячим сердцем и не менее горячей головой. Пришлось выдать ему двойную порцию ответственности, чтобы он хоть немного научился умирять свои порывы, и теперь я чувствую себя так, будто навешала на лапы горного орла железных грузил, чтобы хоть как-то удержать его от попыток долететь до солнца. Много ли Теней отбрасывает то же пламя, что и Старшую?

– Не так уж и много, матушка, – призналась Джемайя. – Затею Дейема поддерживают лишь самые юные – те, кто тяготится бессилием и бездействием, и горят жаждой действий – действий вообще, а не каких-то конкретных. Опытные же Тени полагают, что лишний шум в этом деле неуместен – слишком велик риск, что шума окажется *слишком* много и он долетит до ненужных ушей. Это приводит к спорам о том, до каких пределов стоит уповать на помощь богов.

Руйо вздохнула.

– Кажется, следует навестить Серый угол и напомнить некоторым Теням о том, что боги – любые боги – никогда не дают прямых ответов и никогда не оказывают помощь напрямую. Они могут вытащить из твоего кармана монету, чтобы, наклонившись поднять ее, ты заметил камень, лежащий на дороге, и не споткнулся. Они могут подбросить тебе под ноги удобную палочку, чтобы вытащить упавшее в трещину кольцо, дорогое твоему сердцу. Но не их вина, если ты не услышал звон выпавшей монетки и не сообразил оглядеться по сторонам в поисках подходящего инструмента. Если боги желают помочь нам в этой охоте, значит, оставляют подсказки, которых мы не видим. А если их не трогают слезы и мольбы тех, чьих родных убивают неведомые твари, – вряд ли их тронет дорогостоящий и многолюдный ритуал. Я прожила на этом свете не так много лет, чтобы постичь ход мыслей богов до конца, но достаточно, чтобы приблизиться к его пониманию. А что думаешь ты, Джемайя?

– О затее Старшей тени? – Девушка вопросительно склонила голову набок.

– О том, как поступить дальше.

– Мою тень отбрасывает то же пламя, что и вашу, матушка. Не имея точных сведений, мы не сумеем продумать облаву как следует. Может быть, демон глуп и шум спугнет его. Может быть, он умен и сумеет разгадать замысел – и затаится еще больше. А может быть, и вовсе нет никакого демона, но тот, кто наносит эти раны, окажется в толпе зевак, и кто-то еще пострадает от его рук. Можно гадать до тех пор, пока луна не утонет в море¹, можно подозревать весь мир – пока у нас нет ничего, что позволило бы заподозрить кого-то конкретного.

Руйо снова кивнула, словно ожидала услышать именно такой ответ.

– Ты уже знаешь, где следует искать дальше?

– Не совсем, матушка. Но я знаю того, кто сможет подсказать мне нужное место.

Первая мать прищурилась, всматриваясь в завесу дождя: ливень постепенно утихал, мутный белесый покров становился все прозрачнее, и цветных пятен на противоположном краю бухты стало как будто бы больше. Зеленые полосы растительности, кажущиеся в грозном полумраке синевато-серыми, теперь проступали отчетливее, к холодным сизым оттенкам мокрого камня добавились теплые бежевые. Поблекшая под налетевшей бурей, Ямарра проступала снова, как морская тварь, сливающаяся с валунами при приближении хищника и становящаяся видимой, когда опасность уходила прочь.

Несколько мгновений Руйо смотрела на разноцветные пятна, словно выискивая глазами дом того, о ком говорила Джемайя. Затем медленно кивнула:

– Хорошо. Можешь идти – буря скоро пройдет.

Джемайя коротко поклонилась и, развернувшись, зашагала обратно по галерее к лестнице. Руйо проводила ее взглядом и снова посмотрела на Ямарру – и теперь в глазах Первой матери не осталось ни капли спокойного тепла, лишь холодное беспокойство.

¹ Ямаррские поверья утверждают, что луна не тонет – ведь ее отражение всегда плавает на поверхности. Поэтому «когда луна утонет» – это практически то же самое, что «пока рак на горе не свистнет».

Глава III

Город, зажмуривший окна от брызг дождя, поджавший навесы, спасаясь от ветра, теперь снова распахнул веки ставен, расправил крылья шатров, раскрылся навстречу выглянувшему солнцу, высушивая промокшее оперение.

Несмотря на сильный ливень, луж под ногами почти не осталось – вода не задерживалась на каменных мостовых, уходя вниз по затейливой системе сточных канавок, направлявших влагу в сады на крышах и палисадники на улицах. Паутина стоков служила своего рода кровеносными сосудами, соединявшими ярусы; влага, накапливавшаяся на верхнем уровне, стекала на нижний, и так до самого моря – городские уровни подпитывали друг друга, превращаясь в единое целое. Лишь после сильных ливней – таких, как сегодня, – на улицах оставались широкие, мелкие лужи, прогревавшиеся на солнце, и в них с одинаковым удовольствием плескались и птицы, и ямаррская ребятня.

Воздух недолго пробыл свежим и прохладным – выглянувшее солнце принялось высушивать промокшие камни, и улицы окутало влажное тепло, превращая их в бани.

Одежда мигом начала казаться тяжелее, коса неприятно липла к вспотевшей шее, и Джемайя стащила капюшон, встряхивая головой в тщетной попытке проветрить сопревшие волосы. Если на нижних ярусах, куда уже не доставали лучи опускающегося солнца, царила сырая, пахнущая морем прохлада, то здесь, на срединных уровнях, где располагалась большая часть жилых домов, оставалось уповать лишь на прилетающий с залива ветер. Но ветер, как назло, утих, и в воздухе повисла целая смесь запахов: мокрых цветов и сырых тканей, благоуханий и жареной рыбы, влажной земли и застоявшихся водорослей.

А вскоре все прочие ароматы перебило зловоние сточных вод. Джемайя, поморщившись, огляделась, выискивая источник запаха. Так и есть – потоки воды повредили сточную трубу, проходящую между двух домов; по всей видимости, этот участок находился в процессе ремонта, часть капитальных стоков заменили временными, и под напором дождевой воды труба сместилась. Нечистоты разлились по земле, а дождь лишь разогнал их еще дальше. Обитателям нижних ярусов оставалось лишь посочувствовать – загрязненная дождевая вода дойдет до моря достаточно быстро, но за время своего путешествия успеет доставить немало неприятных минут тем, чьи дома окажутся возле ливневых стоков. Между тем оставшаяся зловонная лужа быстро просыхала на солнце, источая немыслимый запах, заставлявший прохожих морщиться и не позволявший обитателям соседних домов открыть окна после дождя.

Возле поврежденной трубы ковырялось несколько рабочих-навозников в одеждах из грубой и плотной ткани. Джемайя едва заметно нахмурилась, качнув головой. Все работающие на улицах «навозники» так или иначе заслуживали своей участи, но сейчас их вид вызывал у девушки некоторую жалость. Плотная ткань их одежд, пропитанная для лучшей защиты, пропитанные укусом тряпки, закрывавшие их лица, – в жарком и влажном воздухе такое облачение превращалось в инструмент пытки.

Джемайя уже почти миновала зловонное место, когда навстречу ей попала пара молодых женщин. Одна из них несла корзину душистых трав, вторая укачивала на ходу ребенка, примотанного к ее груди расшитым платком. Терзаемые запахом, обе ямаррки точно так же оглянулись, выискивая его причину, и Джемайе пришлось посторониться, уступая им дорогу.

Молодая мать, заметив краем глаза вероятную помеху, вовремя обернулась, чтобы не столкнуться с попавшейся на пути Тенью.

Джемайя успела заметить, как покосились на нее обе женщины – точно с таким же презрением, с каким смотрели на «навозников», – и как мать инстинктивно прижала к себе покрепче дитя, словно закрывая от опасности. Однако Джемайя не стала ни обращать на это внимания, ни ускорять шаг, смиренно избавляя горожанок от своего общества.

Она уже давно избавилась от подобных слабостей.

Со стороны бухты налетел свежий ветерок. Ему достало силы, чтобы добраться до срединных уровней, так что он унес зловоние прочь, заменив морской солью, запахом свежей рыбы, просмоленной древесины и совсем чуть-чуть – сушеными травами.

Хмурая морщинка между бровей Джемайи разгладилась – аромат сушеных трав говорил о том, что нужный ей дом уже был совсем рядом.

Жилище того, с кем ей предстояло повидаться, и в хорошую погоду можно было легко отыскать по терпкому запаху душистых трав, сушеных веток и перепревших листьев, сушеных, жженных и сваренных. И даже сейчас, когда воздух насытился влагой, связки трав и цветов болтались под навесом у входа, распространяя резкий, сладковатый запах.

Хозяин дома отыскался тут же – устроившись на узкой лавочке возле крыльца, неловко вытянув одну ногу, он грелся на солнце, жмурясь, как кот, и подставляя теплым лучам обветренное, морщинистое лицо.

Старик не шелохнулся, даже когда Джемайя подошла совсем близко. Несколько мгновений девушка стояла неподвижно, из вежливости дожидаясь, когда он обратит на нее внимание. Но молчание затягивалось, и Джемайя учтиво поклонилась первой:

– Приветствую тебя, достопочтенный Нерим Керемар, да будут дни твои долгими и полными солнца.

– Этот старый калека мог претендовать на звание «достопочтенного» лишь в те дни, когда носил серое и Первая мать звала его своей тенью, – откликнулся хозяин, не открывая глаз. – Сейчас он всего лишь немощный старик, непригодный ни к какому стоящему делу. Поздоровайся нормально.

Джемайя усмехнулась:

– Здравствуй, Нерим-нэ.

– И тебе привет, охотница, – улыбнулся в ответ Нерим, наконец открывая глаза, и выпрямился, усаживаясь поудобнее. – Пришла пополнить свои запасы бальзамов?

– Нет, – Джемайя качнула головой, – бальзамы мне пока ни к чему.

– Ну, раз тебе не нужен бальзам для тела, значит, ты ищешь бальзама для души, – заключил Нерим и похлопал рукой по лавке. – Присядь. Ты ведь пришла спросить о том, где я нашел сына Ведхира Веренди, не так ли?

– Именно так. – Джемайя осторожно, чтобы не задеть подвешенные пучки трав, присела рядом.

В дни своей юности Нерим Керемар носил серое так же, как теперь Джемайя, и был такими же глазами, ушами и, при необходимости, руками Первой матери. Чужак, в далеком детстве тайком приплывший в Ямарру на одном из торговых судов, он оказался на улице, промышляя мелким воровством. В Серый угол Нерим угодил тем же путем, каким туда попадали и прочие Тени: мальчишка-беспризорник, сирота, не нужный никому настолько, чтобы обрести новый дом, но слишком толковый, чтобы прозябать на нижних ярусах, он привлек внимание Первой матери – и Первая мать назвала его собственным сыном так же, как называла детьми всех, кто приходил в Серый угол.

Нерим долгие годы пробыл Тенью, прежде чем получил серьезные раны в одной из стычек с разбойниками. Ходили слухи, что под видом обычных бандитов на торговый караван, везший ценные грузы, напали наемники одного из крупных торговых чинов, пытавшегося таким образом сорвать важную сделку своего конкурента с властями Ямарры. Что произошло в ту ночь на горной дороге на самом деле, знали немногие – но та стычка лишила Нерима пары пальцев на левой руке, зато оставила взамен искалеченную ногу и шрам на лбу, рассекавший надвое левую бровь. Однако она не отняла у Нерима знания и накопленный опыт, так что командование Серого угла предлагало ему остаться в качестве помощника и наставника для молодых теней.

Однако Нерим был непреклонен.

– Хромая тень оскорбляет предмет, который ее отбрасывает, – говорил он. – Так что пришла пора этой старой ящерице выползти из теней на солнышко.

Поселившись на одном из срединных уровней, Нерим присоединился к собирателям фруктов – обычно этой работой занимались молодые женщины и старики, которым не хватало сил и храбрости лазать по деревьям и скалам за птичьими яйцами и дикими ягодами. Он посвящал свои дни сбору и заготовке целебных трав и варке различных бальзамов и мазей – тех, что использовали охотники, чтобы скрыть запах и защититься от мошкар; тех, что использовали лекари, чтобы облегчить боль и прояснить сознание, и даже тех, что обычно не продавались в открытую. Последние зелья дозволялось использовать лишь тем, кто получал особое разрешение, – старшим лекарям, высшим жрецам, а еще – Теням Первой матери. Может быть, Нерим и продавал их кому-то еще в обход клятв и разрешений, но прямых доказательств тому не было.

Джемайе не верилось, что Нерим мог бы злоупотреблять доверием Первой матери так сильно – достаточно и того, что она позволила ему унести из Серого угла полную голову рецептов и варить по ним снадобья для рядовых ямаррцев. Этого уже хватало, чтобы заработать на кусок хлеба и намазать этот кусок медом – к чему старому калеке излишняя алчность, если золото не срастит хрому ногу и не вырастит новые пальцы?

Зато девушка ничуть не сомневалась в другом – Нерим Керемар, умевший читать следы и готовить засады, мог увидеть то, что проглядели бы простые обыватели. Он знал, куда смотреть, а потому наверняка понял и запомнил больше, чем прочие собиратели фруктов, к тому же изрядно перепуганные зрелищем изувеченного трупа. А если учесть, что сильный ливень смыл большую часть следов, оставалось лишь благодарить богов, что именно Нерим оказался тем, кто наткнулся на тело Мехди.

Пока Джемайя устраивалась на лавке, старик подогнул раненую ногу, помогая себе рукой, и, взглянув на море и скалы, задумчиво проговорил:

– Буря не ушла далеко. Она еще вернется.

Джемайя подняла глаза, всматриваясь в чистое голубое небо.

– Кто сказал тебе об этом, Нерим-нэ?

– Моя нога. – Старик усмехнулся. – Потеряв способность убегать от дождя, взамен я обрел способность предчувствовать его приближение и теперь точно знаю, когда лучше остаться дома. Хорошо, что сегодня я решил прислушаться не к нытью правой ноги, а к собственным глазам, – а они сказали мне, что стоит пополнить запасы трав, пока в зарослях еще сухо. Мехди лежал возле тропы, ведущей в Змеиный овраг, – добавил он серьезнее. – Не самая натоптанная тропа, но все местные собиратели о ней знают – в Змеиный овраг почти не суются дикие звери, опасаясь наступить на очередную гадину, так что там пышно растут чернильник и заячий нос – некому их объедать. Но обычно в те места ходят собиратели постарше, уже умеющие смотреть под ноги и отличать ядовитых змей от безвредных.

– Мехди и его товарищи собирают птичьи яйца не первый год. – Джемайя задумчиво коснулась пальцем губы. – Наверняка они знали о том, что детям до определенного возраста запрещено приближаться к оврагу.

– Допустим, Мехди заблудился, – ответил Нерим. – А может быть, заигрался. А может быть, как это часто бывает, решил впечатлить товарищей своей храбростью. Ты ведь не думаешь, что никто из ямаррских детей не лазает в Змеиный овраг, строго соблюдая запреты, охотница?

Джемайя кашлянула, переводя взгляд на разноцветные крыши нижних ярусов. Юные Тени в первые годы обучения частенько совали носы в недозволенные места – знания и навыки, которые им давались, поднимали их над ровесниками настолько, что у некоторых от такой высоты начинала опасно кружиться голова, не позволяя трезво оценивать границы собственных возможностей. Тайком пройти испытание, предназначенное для Теней постарше, и тем

самым утереть им нос, забраться туда, куда дозволяется входить только наставникам, утерев нос и им, – что может быть восхитительнее для подростка?

Всякий ребенок норовит послушаться старших хотя бы тайком, и ямаррские дети в этом смысле не отличались от прочих; однако именно обитатели Птичьей скалы достигали в искусстве шалостей поистине впечатляющих высот.

Нерим, прекрасно понявший причину заминки Джемайи, со смешком покачал головой.

– Даже если предположить, что Мехди оказался на тропе абсолютно случайно, – продолжил он, не давая повиснуть неловкой паузе, – в его смерти было кое-что еще. Ты ведь осматривала его тело, охотница. Заметила что-нибудь странное?

Джемайя помолчала, вспоминая все, что успела увидеть у дома кожевника.

– Помимо следов когтей? Ушибы и царапины. Пробитая голова. Он как будто свалился с дерева.

– *Как будто* свалился, – кивнул Нерим. – И дыра в его черепе выглядела именно так, как должна была выглядеть рана от удара камнем. Но даже если допустить, что эту рану Мехди получил, сорвавшись с дерева, угодив головой на неудачно подвернувшийся камешек, – то уж точно он не стал бы сползать по дереву спиной, верно?

– Хочешь сказать, что царапины появились на нем позже? – Джемайя обернулась, поднимая брови. – Его тащили по земле?

– Царапины на его спине тянулись снизу вверх. Либо он сползал по стволу вперед лицом и вниз ногами, либо кто-то тащил его по земле за ноги, пусть и недалеко.

– Возможно, Мехди оказался слишком тяжелым для того зверя, который пытался его сожрать, – предположила Джемайя. – Он попытался уволочь тело, не смог и начал жевать на месте, а собиратели его спугнули.

Она взглянула на Нерима, как примерная ученица, ждущая реакции учителя, но старик отрицательно покачал головой.

– Ни один зверь не потащит добычу туда, где пахнет другим хищником. Особенно падальщики – эти вообще не большие любители делиться лакомым куском, ведь им и так не часто удастся добыть что-нибудь свежее. Зачем зверю тащить Мехди к тропе, от которой пахнет человеком, да еще и не одним? Ведь не в Змеином овраге же падальщик собирался припрятать свой ужин?

– Значит... – Джемайя задумчиво нахмурилась, постукивая пальцем по губам, но, спохватившись, убрала руку от лица, мысленно обругав себя за то, что так и не избавилась от дурацкой детской привычки. – Значит, тот, кто убил Мехди, так или иначе хотел, чтобы его обнаружили – и как можно скорее, пока трупом не занялись настоящие падальщики. Кто-то приметил его на дереве, швырнул камень, чтобы сбить, оттащил к тропе... и зачем-то изгрыз его труп? – Она осеклась и снова перевела взгляд на старика. – Что-то не сходится, Нерим-нэ.

– А никто и не говорит, что все было именно так, охотница, – ответил тот. – Впрочем, никто и не говорит, что так быть не могло. Но в одном ты, судя по всему, права – кто бы ни убил Мехди, он *хотел*, чтобы мы нашли его.

– Для дикого зверя подобное желание странно. Остается злодей – из мира людей или из мира духов.

– Порой не знаешь, кто из них страшнее, – вздохнул Нерим. – Доводилось мне повидать первых, оказывающихся страшнее вторых...

– И все же исключение одного варианта из трех – это уже какой-то результат, – заметила Джемайя. – Ловить тень проще, когда понимаешь, какой предмет ее отбрасывает, а обнаружив тень, можно понять, в какой стороне искать предмет.

– Вижу, что в Птичьей скале еще не растеряли основной премудрости, – Нерим снова улыбнулся, – но я тебе вот что скажу, охотница: порой истинную опасность таит не предмет, а

тот источник света, из-за которого рождается его тень. Об этом иногда забывают даже в Сером углу.

Девушка согласно кивнула.

Керо нашли у дороги – там, где его нельзя было не заметить. Семира – возле самых ворот, да еще вместе с лошастью, и не увидеть два изувеченных тела мог лишь глухой слепец, не способный расслышать карканье падальщиков и не чующий запаха мертвечины. Мехди ушел в лес – но его специально подтащили поближе к найденной тропе. Из ровного ряда выбивалась разве что гибель собирательницы Хеди – та ушла слишком глубоко в заросли. Но ее не стали утаскивать далеко от того места, где прочие женщины слышали рык – ведь именно туда в первую очередь отправились бы искавшие Хеди охотники. Таинственному злодею оставалось лишь не мешать им в поисках.

Зачем их убивали? Ответ напрашивался сам собой – чтобы тела находили. Кто-то очень хотел вселить в сердца ямаррцев страх и ненависть.

Демоны используют эти чувства в качестве пищи, чтобы набраться силы. Люди – в качестве инструмента для достижения собственных корыстных целей.

Кем же был этот странный убийца – демоном или человеком?

Следы когтей заставляли думать о демоне. Но и человеку могло быть выгодно, чтобы о демоне думали в первую очередь.

– Что ты посоветуешь делать дальше, Нерим-нэ? – спросила Джемайя. – Тени в Сером углу до сих пор шепчутся об умелом охотнике Нериме Керемаре – может быть, у него найдется, о чем шепнуть на ухо одной из них?

Старик задумчиво потербил кончик косы. Ямаррские Тени убрали волосы двумя способами: одни отращивали косы, недлинные – чуть ниже плеч – и туго заплетенные, порой дополнительно обрабатывая их маслами, чтобы ни один волосок не выбился в неудачный момент и чтобы противник не сумел ухватиться за них в бою; другие же попросту брили головы налысо, избегая подобных проблем вовсе. Нерим относился к числу первых и, даже покинув Серый угол, не избавился от старой привычки. К тому же теперь, когда ему не приходилось участвовать в рукопашных схватках, длина волос перестала иметь значение, и потому серебряная коса старика была в добрых два раза длиннее, чем медная коса Джемайи.

– В последний раз я выходил на охоту много лет назад, – усмехнулся Нерим, – сейчас я всего лишь немощный старик, растерявший былую хватку. Но если ты хочешь совета, Джемайя, то я скажу тебе так – не стремись делать за других их работу. Не пытайся обточить неприступную скалу быстрее, чем это сделают ветер и волны. Не старайся вырастить дерево быстрее, чем это сделают дождь и солнце. Есть вещи, которые нам неподвластны. На данный момент противник сильнее вас. Хитрее вас. Умнее вас. Он водит вас за нос, постоянно оказываясь на шаг впереди. А знаешь, почему не всегда хорошо идти первым?

– Идущий вторым уже точно знает, где лежат камни и торчат ветки, – со смешком ответил Джемайя, вспоминая известную присказку юных Теней.

– Именно так. Если враг несется быстрее тебя – позволь ему ощутить вкус победы, позволь взлететь на крыльях триумфа, пусть он на радостях перестанет смотреть под ноги и потеряет бдительность. Не оскорбляй его гордыни, позволь ему упиться ею допьяна, так, чтобы у него закружилась голова. Позволь ему совершить ошибку – и рано или поздно он даст себя обнаружить.

– Но до тех пор он будет убивать, Нерим-нэ, – улыбка Джемайи погасла. – Скольких еще он убьет, пока мы будем ждать?

– А скольких он убьет, пока вы будете впустую гоняться за Тенями? – рассудительно поинтересовался Нерим. – Если каждый раз при разливе реки размывает дорогу, ты постарайся построить мост. Но у тебя всего две руки и пять бревен. Чем тебе поможет знание о том, что дорогу может смыть, пока ты строишь мост, если тебе негде взять ни дополнительных

рук, ни дополнительных бревен? Ты лишь будешь в два раза медленнее и в три – невнимательнее, потому что голова твоя будет забита переживаниями. Делай свое дело, охотница, а дело богов оставь богам.

– Не самый-то добрый совет, Нерим-нэ, – вздохнула Джемайя, вставая с лавки. – Но все равно спасибо тебе.

– Другого у меня для тебя нет, – развел руками Нерим. – Разве что могу дать еще один, маленький, – не выходи вечером из-под крыши. Моя нога чувствует, что буря вернется на закате.

Глава IV

В Ямарру пришла смерть.

Она явилась на рассвете и постучалась в ворота – нагло, самодовольно, не размениваясь на долгие приветствия.

Смерть приходила в город в самых разных обликах – в облике пиратов, собравших достаточное количество кораблей, чтобы решиться на набег; в облике немощного нищего, пришедшего в город за подаванием и притащившего с собой опасную болезнь; в облике нечистых на руку торговцев, прятавших в ящиках с тканями запасы дурманных трав; в облике фанатичных проповедников, призывавших убивать иноверцев, в облике дикого зверя, подхватившего бешенство, в облике крыс, мух, саранчи и в десятках других воплощений.

В это утро смерть пришла в Ямарру в облике дюжины крепких вооруженных молодцев. Их предводитель, нестарый, но наполовину поседевший мужчина, потребовал аудиенции у городских властей, сообщив, что «дело, заставившее его отряд явиться сюда, не терпит отлагательств».

Руйо согласилась принять его так же, как соглашалась принять каждого, кто являлся в Ямарру, независимо от формы, в которой поступала просьба о встрече, – нейтральный статус города открывал возможности для переговоров с любой стороной, к тому же большинство наемников имели довольно слабые – а порой и откровенно специфические – представления об этикете. Тех же, кто являлся с угрозами и требованиями по указке торговых кланов и преступных сообществ, порой удавалось переубедить и перекупить, избегая лишнего кровопролития.

В торговых – да и преступных – кругах было известно, что Первая мать никогда не отказывается от переговоров.

Впрочем, всякий, кому доводилось попасть в приемный зал Птичьей скалы, помнил о том, что плитки под ногами рассекает затейливая вязь канавок, быстро отводящих грязную воду, льющуюся при мытье полов, и прочие жидкости. Такие же канавки – пусть и не такие красивые, пусть и не так щепетильно вписанные в мозаику пола, – обычно протягивались в полах скотобоен, лечебниц и пыточных.

Сама Первая мать встречала гостей, сидя на каменном троне, чья резная спинка одновременно являлась частью барельефа, украшающего стену зала, – из-за этого и без того немаленький трон казался еще больше, а Руйо, устроившаяся на накрытом узорчатым покрывалом сиденье, выглядела хрупкой и слабой женщиной, занимавшей чужое место. Такой трон больше пристал бы кому-то другому – высокому, могучему, полному жизненной силы; казалось, что на самом деле Ямаррой правит широкоплечий воин, суровый и решительный владыка, а пожилая женщина, задумчиво опирающаяся на один из подлокотников, – всего лишь его старая мать, дожидаящая сына из победного военного похода.

Это впечатление усиливалось и тем, что рядом с тронем стояли только двое – Дейем Фох, Старшая тень, поджарый мужчина лет сорока, ничуть не похожий на того, в чьих руках находится безопасность всей Ямарры, и Аким Даманаш, верховный казначей, пожилой чиновник, смуглый и тощий, как высохшее дерево, сжимающий тонкими пальцами резной деревянный планшет с миниатюрной чернильницей так, словно опасался, что его вот-вот вырвет из рук ветер. Как будто всех прочих, более достойных, более внушительных, более молодых, забрал с собой тот самый истинный правитель, оставив в помощники матери тех, кто не годился на поле боя. В тених своего часа дожидалась еще пара младших слуг, но они-то уж точно не представляли собой никакой угрозы.

Те, кто привык решать вопросы грубой силой и нуждался в ее немедленной демонстрации для начала разговора на равных, частенько поддавались этой иллюзии. И эта простая проверка существенно экономила время, отсеивая самых горячих, самых глупых, самых наглых – всех

тех, с кем не было ни возможности, ни смысла договариваться. Не все, кто заходил в этот зал, покидали его собственными ногами – за тем, попадет ли очередной гость на уловку Первой матери, всякий раз следило не меньше двух дюжин Теней, таившихся по всему залу, скрытых от глаз простых обывателей.

Джемайя заняла привычное место – на одном из балконов, выступающих из барельефа, где во время торжественных приемов важных гостей располагались хоры и герольды. С этого балкона, расположенного почти что над самым тронном, можно было спрыгнуть в случае необходимости и прикрыть Первую мать от нападения, отсюда открывался прекрасный обзор на весь зал, и, что было особенно ценно, – отсюда можно было разглядеть лица гостей, анализируя их реакцию.

Так что рассмотреть того, кто потребовал немедленной аудиенции у городских властей, Джемайя смогла как следует – он вошел в зал первым и направился к трону так, будто уже не раз бывал здесь. Высокий, крепкий, загорелый, этот мужчина был еще не стар – во всяком случае, уж явно не старше Дейема, – но седых прядей в его длинных волосах, небрежно стянутых шнурком, уже насчитывалось куда больше, чем черных. Шагнув в зал, предводитель коротко огляделся, а по дороге к трону бросил пару таких же коротких взглядов на боковые балконы и углы, явно отмечая потенциальные огневые позиции и удобные места для засад. Конечно, вряд ли он мог заметить всех прячущихся в зале Теней, но, когда гость задел взглядом балкон над тронном, Джемайя рефлексивно задержала дыхание, словно боясь, что он все-таки увидит ее.

На его лице не отразилось ровным счетом ничего, но девушке отчего-то показалось, что он если не заметил, то как минимум *почувствовал* чужое присутствие.

Он не купился на уловку Руйо.

Остальной отряд держался в шаге от командира, соблюдая строевой порядок. Остановившись возле ступеней, ведущих к трону, гости не стали преклонять колено или кланяться – они уселись на пятки, сложив на коленях руки так, как это делали уроженцы южных краев. Такой жест уже сам по себе служил проявлением уважения – усевшийся оказывался ниже собеседника, признавая чужую власть.

Руйо, принимая правила безмолвной дипломатической игры, сделала жест слугам, и те обнесли вошедших блюдами с фруктами и виноградом. Джемайя с некоторым облегчением отметила, что по ягодке или дольке взял каждый из них. На дипломатическом языке согласие угоститься значило, что гость не ждет подвоха или яда – а значит, ему нечего скрывать, – и готов разделить трапезу с хозяевами, а значит, готов играть по здешним правилам. «Мы пришли без дурных намерений и хотим поговорить» – вот как толковался этот жест.

– Вы достаточно настойчиво требовали разрешения повидаться со мной, – проговорила Руйо, первой нарушив висящую в зале тишину. – Что ж, вы видите меня. Мои уши открыты для вас. Какая нужда заставила вас явиться сюда?

– Приветствую тебя, достопочтенная Руйо, Первая мать Ямарры. – Предводитель прижал руку к груди и склонил голову – без излишнего пиетета, но все же достаточно уважительно, чтобы это не походило на издевку. – Нужда, заставившая нас проделать долгий путь, не наша нужда – это нужда вашего славного города.

Джемайя внимательно прислушивалась к каждому слову, вылавливая малейшие шероховатости. Незнакомец изъяснялся на эхейском торговом языке² довольно грамотно, но огрублял согласные звуки и слегка обрезал гласные – такой акцент был характерен для южан.

– У Ямарры много нужд, – спокойно ответила Руйо. – О какой именно вы говорите?

² Торговый язык – язык международного общения, использующийся торговцами и дипломатами в пределах той или иной географической области. Это может быть язык страны, обладающей максимальным весом на экономическом и политическом рынке, или пиджин, возникший естественным или искусственным путем ввиду вынужденного общения между игроками рынка. Эхейское торговое наречие в основном используется странами, лежащими на берегах Эхейского моря, но позже распространилось по крупным торговым путям и среди основных партнеров означенных стран.

– Мое имя – Алар-Аглеш ар-Кешшар. – Предводитель поднял голову, слегка улыбнувшись. – Мы с товарищами промышляем охотой на зверей, которые не по зубам обычным охотникам. До нас долетели слухи, что именно такой зверь завелся в окрестностях Ямарры, и он уже пролил достаточно крови. Мы пришли сюда, чтобы предложить вам свою помощь, Первая мать.

Джемайя нахмурилась, поджимая губы. Со своей позиции она не видела лица Руйо, – впрочем, зная Первую мать, наверняка ее выражение ничуть не изменилось, – но догадывалась, о чем та думает. И вопрос, который вертелся на языке и у самой Джемайи, прозвучал незамедлительно:

– Откуда вы пришли, уважаемый ар-Кешшар?

– Из Менкара, – ответил охотник. – Мы собирались отправиться вместе с караваном уважаемого торговца шелками Разема Дебо, но задержались в городе, закупая припасы, поэтому прибыли в Ямарру с опозданием.

Джемайя задумчиво коснулась пальцем губ. Караван Дебо прибыл в Ямарру вчера вечером, отряд Алара – сегодня на рассвете. Мехди отправился за яйцами на рассвете, к полудню его уже нашли мертвым и похоронили через пару часов, когда утих дождь. Значит, о гибели Мехди в Менкаре знать не могли.

Выходит, про смерти и раны от когтей стало известно раньше? Когда – после смерти Хеди, после смерти Семира? Дошла ли эта информация до властей Менкара и если да, то почему не поднялся шум?

– В Городе червей знают о происходящем здесь? – голос Руйо по-прежнему звучал спокойно, но Джемайя могла представить, как напрягаются сухие пальцы Первой матери на подлокотнике кресла, как совсем чуть-чуть, едва заметно выпрямляется ее спина.

– Пока нет, – ответил Алар. – Я не стану утомлять тебя бесполезной ложью, уважаемая, заверяя, будто бы мои действия продиктованы исключительно душевной болью за твой народ. Ты повидала достаточно наемников, так к чему мне делать вид, что я чем-то отличаюсь от них, когда на самом деле это не так? Наемные охотники, кочующие из города в город, слышат и видят многое, а слухи и сведения не тянут карман – их можно отнести далеко-далеко. Пусть твоя душа будет спокойна – в Менкаре немногие знают о том, что здесь происходит, да и у них болтливые рты и излишне чуткие уши залиты нашим серебром. Мы решили прийти сюда и избавить вас от напасти до того, как слухи о ней достигнут ушей высокопоставленных менкарцев...

– ...чтобы запросить за свои услуги еще больше, – закончила Руйо все так же спокойно.

Алар усмехнулся:

– Именно так.

Джемайя по-прежнему ничем не выдавала себя и не видела Первую мать, но ей отчего-то показалось, что Руйо улыбается сейчас – холодно и равнодушно, показывая, что оценила чужую шутку, но не нашла ее смешной.

– Мне нравится твоя прямота, уважаемый ар-Кешшар, – проговорила Руйо, помолчав. – Правда, я боюсь, что нравится она здесь только мне, – теперь в голосе Первой матери чувствовалась совсем другая улыбка, искренняя и насмешливая, адресованная в первую очередь Дейему, которому сейчас наверняка приходится прилагать определенные усилия, чтобы ничем не выдать собственных эмоций. – Но в целом ты прав – я повидала достаточно наемников. Достаточно, чтобы утомиться от пустой болтовни и начать ценить тех, кто сразу переходит к делу. В какую сумму ты оцениваешь услуги своего отряда?

– Мы охотимся, разбиваясь на группы, – ответил Алар. – По десять золотых за каждого убитого зверя всем членам группы и по сто золотых каждому после того, как напасть будет побеждена окончательно.

– А что насчет надбавки за ваше молчание?

– На то, чтобы запечатать девять ртов и девять пар ушей, у нас ушло двадцать семь серебряных монет. Думаю, будет справедливо, если я попрошу сумму вдвое большую. – Алар позволил себе улыбнуться.

– А если мы откажемся? – поинтересовалась Руйо, и охотник пожал плечами.

– Мы уйдем из Ямарры и отправимся дальше, предоставив вам справляться с бедой по вашему разумению. В этом мире хватает всяких тварей, чтобы наш брат-охотник не сидел без заработка. Если вы переживаете о том, не отправлюсь ли я обратно в Менкар, чтобы сорвать серебряные печати со ртов и ушей, – то на этот счет можете быть спокойны. Мы воины, а не разбойники, Первая мать, и не опускаемся до мелочного шантажа. К чему ускорять события? Слухи так или иначе расползаются по свету и без нашей помощи, а уж у Города червей тем более хватает повсюду и ушей, и глаз. Возможно, завтра в Ямарру явятся другие охотники. Возможно, такие же умелые, как мы. – Алар оглянулся на рассеявшихся за его спиной товарищей, молчаливо наблюдающих за переговорами. – А возможно, и нет. Возможно, ваша проблема решится прямо завтра, а возможно – растянется до тех пор, пока ваши люди не выйдут на улицы, требуя ответа, и не разорвется последний торговый договор. Возможно, вы потеряете к тому времени дружбу менкарцев, а возможно, беда настигнет и их. На все воля небес, достойная Руйо. Ты мудра и проницательна, и я уверен, что ты сможешь сделать правильный выбор.

– Разумные слова, Алар ар-Кешшар, – ответила Руйо. – Вижу, ты немало обдумывал их по дороге сюда. Теперь моя очередь обдумать их. Мы обсудим твоё предложение и дадим ответ позже.

– Как скажете, – кивнул охотник. – Нам все равно не помешает отдохнуть и перекусить с дороги – путь от Менкара неблизкий, а мы порядочно торопились, не тратя время на привалы.

– В таком случае я больше вас не задерживаю, – проговорила Первая мать, и охотники разом поднялись на ноги и, поклонившись, расступились. Алар, развернувшись, направился к выходу, и его ватага зашагала следом, выдерживая все тот же боевой порядок.

Разбойники не держатся так слаженно, отметила про себя Джемайя. Разбойники даже в самой дружной банде всегда остаются грабителями и убийцами, полагающимися только на себя. Жизнь, ценность которой измеряется деньгами, быстро отучает от доверия – вчерашний друг может всадить тебе в спину нож, если ему покажется, что при дележе добычи ты положил себе на один медяк больше.

Но эти бойцы двигались как единое целое, как те, кто привык к определенным порядкам и до определенных пределов был уверен в своих товарищах. Так двигаются воины, прошедшие бок о бок не одну битву. Возможно, до того как Алар и его охотники начали промышлять наемной охотой, они состояли у кого-то на службе. У кого-то достаточно высокопоставленного, чтобы участвовать в серьезных сражениях, а не в мелких сварах между торговцами средней руки.

Может быть, все проще и Алар ар-Кешшар – сын какого-то влиятельного торговца или правителя, лишившийся права на титул и положение и теперь зарабатывающий на кусок хлеба вместе с товарищами, отправившимися в изгнание вместе с ним?

В любом случае на рядового разбойника он не походил. А значит, следовало быть осторожнее.

Когда двери за охотниками закрылись, в зале воцарилась тишина – и тем оглушительнее показался окрик Дейема:

– Поддерживать в зале сумрак больше нет нужды! Пусть солнце осветит каждый угол!

Послышались тихий шелест одежд и негромкие шаги – Тени покидали свои посты и уходили боковыми коридорами и потайными лестницами, освобождая зал от лишних ушей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.